

Д. В. Киба

Развитие советско-японских связей в сфере литературы в 1920–1930-е годы

Опыт сотрудничества России и Японии в области гуманитарных отношений рассматривается в научной литературе фрагментарно. Исследователей в основном привлекают политические и экономические аспекты взаимодействия двух стран. Между тем, учитывая, что в советский период истории и на современном этапе серьезным тормозом на пути политического диалога России и Японии является территориальный вопрос, именно гуманитарное сотрудничество, взаимодействие в сфере искусства, литературного творчества способствуют налаживанию взаимопонимания и доверия между народами. Знакомство с прозой, поэзией другой страны позволяет получить представление о мировоззренческих основах нации, социальных настроениях конкретной эпохи, тем самым литературные связи становятся средством постижения национального характера, образа «другого».

Европейская литература хлынула в Японию после Реставрации 1868 г. Вместе с произведениями французских, английских писателей японцы познакомились с русской литературой. Последняя оказала огромное воздействие на творчество мастеров Японии. Под влиянием русской классической литературы в Японии складывались новые школы и направления. В 1920–1930-е гг. японские авторы

***Киба Дарья
Валерьевна,***
кандидат
исторических
наук, доцент,
Комсомольский-
на-Амуре
государственный
технический
университет
(Комсомольск-на-
Амуре, Россия)

продолжали испытывать на себе влияние русской классической литературной школы. Одновременно можно говорить о влиянии японской традиции на целое поколение русских писателей конца XIX — начала XX в. Японская культура оказала воздействие на творчество К. Д. Бальмонта, В. В. Хлебникова, В. Я. Брюсова. Изучением литературного и идейного взаимовлияния русских и японских мастеров занимались советские исследователи Н. И. Конрад, А. Н. Мещеряков, Л. Н. Кутаков, Л. И. Сараскина, Е. Е. Малинина, В. А. Гришина¹.

Представители современной отечественной историографии также обращаются к проблеме советско-японских литературных связей, затрагивая предвоенный период. В работе Н. И. Чегодарь рассматриваются основные литературные направления Японии между двумя мировыми войнами. Автор коснулся проблемы влияния русской литературы на японскую традицию, не сделав ее темой специального исследования².

Современные японские ученые Ё. Накамура, К. Хохаси, И. Ито, А. Саканива продолжают обращаться к проблеме влияния русской классической литературы на творчество японских авторов³. Темой исследования зарубежных коллег становится и творчество отдельных советских писателей и деятелей культуры 1920-х гг.⁴ Следует отметить значимость данных работ. Однако в настоящее время недостаточно изученной остается деятельность частных лиц, общественных организаций и издательств по налаживанию взаимодействия двух стран в области литературы. После рассекречивания ряда документов Архива внешней политики Российской Федерации необходимо ввести в научный оборот те из них, которые подробно освещают историю развития японо-советских литературных связей в предвоенный период.

В 1920-е гг. потрясения затрагивали и политическую, и экономическую, и духовно-нравственную сферы Японии, порождали сложные психологические переживания личности, которые писатели продолжали открывать в романах русских писателей. Не обращаясь к проблеме влияния русской классики на японскую литературную традицию, исследованной отечественными и зарубежными авторами, отметим значительный вклад японских издательств предвоенного периода в налаживание литературных связей двух стран.

Знаковым явлением для японской литературы оставалось творчество Л. Н. Толстого. В 1926 г. японская издательская фирма «Сюдзюся» в Токио издала собрание сочинений мастера. Фирма обратилась к уполномоченному Всероссийского общества культурной связи с заграницей (ВОКС) в Японии профессору Е. Г. Спальвину с просьбой снабдить ее экземплярами посмертных сочинений Л. Н. Толстого, не законченных им при жизни и не изданных, но вышедших в свет в Москве, Берлине, Париже. В частности речь шла о рукописи отрывка «Столетие», сборнике коротких драм⁵. Таким образом, общественный интерес к произведениям Л. Н. Толстого, возникший в начале столетия, продолжал расти и в 1920-е гг.

В 1929 г. издательство крупной ежедневной газеты «Осака Майнити» организовало цикл лекций о русском писателе, который прочитала А. Л. Толстая. Приехав в Японию, младшая дочь писателя увидела, что японцы с большим почтением относились к творчеству ее отца. По условиям заключенного контракта она должна была проехать по стране с лекциями, которые оформились впоследствии

в статье «Уход из дома и смерть Л. Толстого», «Толстой и русская литература», «Каким образом Л. Толстой создавал свои произведения». Лекции издательство размещало на страницах своей газеты⁶. Все путевые затраты покрывались авансом, который был выдан дочери писателя.

Лекционное турне А. Л. Толстой прошло очень успешно. Сохранились ее воспоминания о лекции «Смерть и уход отца», прошедшей в Киото в 1930 г.: «Мест не было, сидели на полу, стояли в проходах... Слушали прекрасно, внимательно, хорошо. Члены религиозного общества метались, рассаживая публику, подставляя стулья, угощая нас чаем. Все плохо одеты, бедно, но все радостно, счастливо улыбаются»⁷. Дочери Л. Н. Толстого приходили письма, из которых следовало, что в Японии были люди не просто почитающие русского писателя, но поклоняющиеся перед ним.

В 1920-е гг. появляются переводы русских литературных произведений, выполненные специалистами, владевшими русским языком. Данные труды не были первыми. Переводы с русского начали появляться значительно раньше: так, перевод Кониси Масутаро и Одзаки Коё «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого был опубликован в журнале «Кокумин но томо» еще в 1895 г. Первые переводы произведений А. П. Чехова были сделаны писательницей Сэnuma Каё в 1903 г. Переводы русских произведений 1920-х гг. стали особым событием литературной жизни Японии, так как их появление было обусловлено интересом, который вызывала Советская Россия и новая революционная культура молодого государства. Переводом русской классической литературы занимались Нобору Шому, Ионекава Масаво, Накамура Хакуио, значительный вклад в развитие литературных связей внес Катаками Нобуру.

Произведения Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского настолько потрясли Катаками Нобуру, что писатель начал изучать русский язык в Токийском институте иностранных языков. С 1915 г. он жил в Москве, Петрограде, где встретил Февральскую и Октябрьскую революции. Свои впечатления о России он посылал в Японию, где они печатались в газете «Асахи» и других изданиях⁸. В 1919 г. на родине выходит его книга «Русская действительность». После возвращения в Японию писатель способствовал открытию русского отделения на филологическом факультете университета Васэда в 1920 г. Отделение стало первым и долгое время оставалось единственным в Японии. Катаками Нобуру не только возглавил его, но и организовал в университете Общество русской литературы. На занятиях студенты слушали выступления педагогов, сообщения товарищей, читали стихи русских поэтов. В 1920-е гг. публикуются работы Катаками Нобуру, посвященные творчеству Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина, А. А. Блока. Однако неожиданно писатель был оклеветан и в июле 1924 г. ушел в отставку. Затем он уехал в Россию, где знакомился с советской литературой. В 1925 г. Катаками Нобуру, вернувшись в Японию, пишет работы «Проблемы классового искусства», «Литература пролетариата», «О пролетарской литературе», ставшие фундаментом теории пролетарской литературы Японии. Студенты русского отделения, ученики мастера стали известными русистами. Курода Тацуо изучал процесс становления русского символизма. Хираи Хадзимэ был специалистом по творчеству Н. В. Гоголя. Харуми Мурата занимался изучением наследия А. С. Пушкина, М. Горького.

Таким образом, в рассматриваемый период русскую литературу изучали сподвижники, интересующиеся культурой России. Благодаря их деятельности русские произведения становились известными широкому кругу читателей. К 1926 г. на японский язык были переведены почти все видные произведения русских классиков.

Значительный вклад в распространение русской литературы в Японии внесли русские люди, оказавшиеся в стране по воле судьбы. С 1924 по 1937 г. в университете Васэда преподавала В. А. Бубнова. Ее обширные познания и хорошее образование позволили завоевать любовь и уважение японских учеников. Она глубоко знала западноевропейскую и русскую литературу, ответственно относилась к преподавательской деятельности, старалась привить ученикам любовь к русской поэзии. В то время японцы относились к женщине с долей пренебрежения. Однако В. А. Бубнова вызывала восхищение, поражала своими разносторонними знаниями⁹.

Ее ученица Амино Кику, известная писательница и переводчица, вспоминала, что учитель жестаами мимикой и выразительным чтением могла объяснить самое трудное место¹⁰. Педагог была знакома с лучшими переводчиками Японии, ее учениками были почти все русисты, учившиеся в то время. Часто они обращались к ней с просьбой помочь перевести трудные места. По мнению японских литературоведов, В. А. Бубнова повлияла на развитие японского пушкиноведения.

Об интересе Японии к русской литературе свидетельствовали литературные вечера. В 1929 г. в Токио ВОКС совместно с газетой «Токио Асахи» устроило вечер по случаю 25-летия со дня смерти А. П. Чехова. На мероприятии, где присутствовало свыше 2000 чел., были произнесены речи полпредом СССР А. А. Трояновским, писателем Удзюку Акита, профессором Йонэкава Нобори¹¹. Затем труппа театра Тукидзи сыграла отрывки из драматических произведений А. П. Чехова. Интерес к писателю был вызван его вниманием к мельчайшим деталям, умением отыскать то, что японцы называют «моно-но-аварэ» («печальное очарование вещей»).

3 июня 1927 г. в помещении редакции газеты «Синцио» (Новые течения) был организован литературный диспут. Участниками дискуссии были полпред СССР В. С. Довгалецкий, сотрудник полпредства Е. Терновская, уполномоченный ВОКС в Японии Е. Г. Спальвин, В. А. Бубнова. С японской стороны в диспуте участвовали известные писатели Каору Осанаи, Акутагава Рюноскэ, Мурао Накамура, профессор Нобори Йонэкава¹². В ходе диспута обсуждались дореволюционная русская, советская литература и театр, современная японская литература. В ходе дискуссии японцы отметили, что в СССР переводятся классические японские произведения, тогда как современные авторы практически неизвестны советскому читателю. Современная литература, по мнению японских писателей, помогает постичь «настроение Японии, сердце японского народа»¹³. Мурао Накамура выразил надежду, что подобно тому, как Японию знакомят с советской литературой, в СССР также будут издаваться произведения современных японских писателей.

Японские авторы утверждают, что в СССР издавалась преимущественно классическая литература Японии, литературная традиция первой четверти XX в. оставалась малоизвестной. Переводчиками произведений японских писателей были Р. Н. Ким, Е. П. Терновская, Е. Н. Спальвин, Н. И. Конрад, А. Е. Глускина. Японская классическая традиция оказала значительное влияние на творчество поэта

В. В. Маяковского, писателей В. Г. Лидина, Б. А. Пильняка. Последний, вернувшись из Японии, вдохновился ватакуси-сёсэцу — жанром полуинтимного, дневникового повествования. В последние годы жизни В. Маяковский в письмах также постоянно высказывал желание поехать в Японию, однако его визит так и не состоялся.

Значительным было влияние русской литературной традиции на японскую. Почти вся русская дореволюционная литература к концу 1920-х гг. была известна в Японии, однако интерес вызывали и писатели Советской России. На японский язык переводился ряд произведений писателей-попутчиков, пролетарских авторов и стихи советских поэтов¹⁴. К 1926 г. были переведены «Неделя» Ю. Н. Лебединского, рассказы Б. А. Пильняка, И. Г. Эренбурга, Е. И. Замятина, Л. Н. Лунца, М. М. Зощенко, «Хождение по мукам» А. Н. Толстого, пьеса А. В. Луначарского «Оливер Кромвель», шла работа над произведениями Д. Бедного, В. В. Маяковского, С. М. Гродецкого, С. А. Есенина. Приезд Б. А. Пильняка в Японию в 1928 г. вызвал большой резонанс. В прессе появлялись статьи, рассказывающие о его путешествии, приезде его племянницы на обучение в Японию, что свидетельствовало об интересе к советской литературе¹⁵.

Однако большинство советских писателей в 1920-е гг. были неизвестны в Японии. Перевод их произведений осложнялся запретом ввоза советских книг, существовавшим до 1924 г. Издания попадали в Японию через дипломатов и корреспондентов. С 1926 г. советскую литературу из Парижа и Берлина стала получать фирма «Марудзэн», занимавшаяся книжной торговлей. Однако регулярная поставка книг из СССР была налажена только в середине 1930-х гг. книготорговой фирмой «Наука», после того как ее создатель Отакэ Хирокичи заключил с Советским Союзом соглашение на покупку книг¹⁶.

Таким образом, 1920-е гг. были периодом дальнейшего знакомства Японии с русской классикой и освоением советской литературной традиции. Последняя оказала сильное влияние на формирование японской пролетарской литературы. В целом 1920-е гг. были для Японии временем демократического подъема. Левое движение и демократически настроенная интеллигенция следили за событиями в Советской России, в том числе за новыми явлениями в театре и литературе. В Японии быстро распространялись идеи марксизма. Безусловно, нельзя сводить весь процесс развития японской литературы 1920-х гг. к пролетарскому течению, однако последнее придавало ей своеобразие. В. Э. Молодяков отмечает, что в 1920-е гг. часть членов японского общества искала путь к самопознанию и духовному самосовершенствованию. Одних такие искания приводили к христианству, другие, присматриваясь к Советской России, увлекались идеями коммунизма¹⁷.

Японское революционное литературное движение не было единым. В нем выделилось несколько течений, объединившихся в различные организации. Зачинателем движения за создание новой, пролетарской литературы стал журнал «Сеятель», выходивший с 1921 по 1923 г. Организатор издания Комаки Оми выступил в поддержку Советской Республики. Журнал стал средством пропаганды марксистской теории литературы. В первом его номере было опубликовано «Воззвание об оказании помощи голодающим в России». Второй номер вышел под общим заголовком «За Горького». В 1920 г. возник Союз революционных (пролетарских) писателей «Сакка домей», объединявший революционных и большинство

буржуазных писателей. После землетрясения 1923 г. в стране начались репрессии, в результате которых были закрыты многие левые издания Японии, в том числе журнал «Сеятель». Так завершился первый период развития пролетарской литературы, в ходе которого представители последней знакомились с революционными идеями Советской России и марксизмом.

Связь с Россией поддерживалась в данный период также посредством общественных организаций Японии, ставящих перед собой цели российско-японского социально-экономического и культурного сближения. В 1923 г. в Японии было организовано Общество русско-японской взаимопомощи («Нитиро Софукай»). В него вошли представители почти всех классов, стоящих на платформе общественных реформ. В год создания членами Общества были более 3000 чел. В том же году организация послала в СССР своего уполномоченного представителя писателя Тамидзи Найто для установления связей с правительством СССР. Во время визита в Москву представитель японской организации провел переговоры с М. И. Калининым, Б. Н. Чичериным, Л. Д. Троцким, А. В. Луначарским. Последние стали почетными членами Общества.

В результате переговоров Н. Тамидзи с представителями властных структур Советского государства было решено, что Общество будет предпринимать усилия, направленные на развитие социально-экономического и культурного сближения наций, которое должно осуществляться в духе взаимного блага¹⁸. В декабре 1923 г. было выпущено воззвание о целях и задачах «Нитиро Софукай», в котором оно, обращаясь к Народному Комиссариату иностранных дел, просило оказать содействие их осуществлению. В документе отмечалось: «Кажется, что луч света осветил российско-японскую дружбу, что бесконечно радует»¹⁹. В тексте указывалось, что Россия, осуществив революцию, создала новую цивилизацию и нового человека — носителя новых ценностей. Таким образом, заключалось в воззвании, Россия, как авангард развития культуры, потратила немало труда и энергии на благо человечества и во многом пожертвовала собой во имя мирового прогресса²⁰. В настоящее время, по мнению авторов воззвания, Японии необходимо повторить исторический путь Страны Советов.

Примечательно, что подобные идеи высказывались представителями японской общественности еще до нормализации официальных отношений между странами. Данный факт свидетельствует об искреннем желании у отдельных представителей общественности, в том числе литературных кругов Японии, к сближению с Россией. Общество отмечало: «Дружественные отношения между государствами тогда будут иметь прочный фундамент, когда народ постарается подойти друг к другу ближе. России и Японии исторически и географически предопределено быть в постоянно мире»²¹. Таким образом, «Нитиро Софукай» стремилось к взаимодействию с Советской Россией, руководствуясь принципом общечеловеческой дружбы.

В 1925 г. начался второй этап развития пролетарской литературы в Японии. В декабре 1925 г. была создана Лига японской литературы и искусства, которая объединяла людей с разными политическими взглядами, однако значительная часть ее членов тяготела к марксизму. Лига сотрудничала с газетой «Пролетарий», являвшейся, по существу, полулегальным органом Коммунистической партии Японии (далее — КПЯ).

В середине 1920-х гг. идейная и теоретическая борьба в КПЯ оказывала существенное влияние на пролетарскую литературу, вызывая столкновения писателей и поэтов, что определило раскол Лиги японской литературы и искусства. Результатом раскола стало образование трех центров пролетарской культуры. Первым центром была Ассоциация рабоче-крестьянского искусства, группировавшаяся вокруг журнала «Литературный фронт», вторым — Японская ассоциация пролетарского искусства, издававшая журнал «Пролетарское искусство», третьим — Лига деятелей искусства авангарда.

Помимо указанных организаций в Японии действовали и другие более мелкие Союзы. Так, некоторые писатели, входившие в начале 1920-х гг. в состав пролетарского журнала «Сеятель», отделились и в 1924 г. создали новый орган «Литературный фронт», основав Союз японских рабочих и крестьянских работников искусства²². К 1931 г. он считал себя боевым авангардом японского революционного движения. Союз переживал серьезные расколы. С 1924 по 1931 г., для того чтобы сохранить здоровое ядро движения, он исключил из своих рядов 20 или 30 членов. Причиной исключения были ультралевые взгляды некоторых членов организации.

Исключенные писатели в 1928 г. основали Всеяпонскую федерацию пролетарского искусства (Nippon Artista Proleta Federatio, далее — НАПФ)²³. С ее созданием началась деятельность по изучению мировой культуры. Появляются блестящие переводчики русской литературы Нобори Сёму, Ёнэкава Масао, Ёкэмура Ёситао. На японский язык переводятся произведения Д. А. Фурманова, В. Д. Иванова, В. В. Маяковского, С. А. Есенина. Таким образом, в 1928 г. начался третий этап развития пролетарской литературы в Японии, для которого были характерны образование крупных объединений, участие в работе международных литературных союзов, где лидирующие позиции занимала советская литература.

На правах одной из секций НАПФ стал действовать Союз пролетарских писателей «Сакка домэй». В начале 1920-х гг. в состав данной организации входили представители интеллигенции. С 1928 г. Союз радикально преобразовался, пополнился рабочими с производства и рабочими корреспондентами. Центральный орган Союза — «Сэнки» («Знамя борьбы») расходился в количестве 30 тыс. экземпляров. «Сэнки» выдвинул плеяду молодых критиков, среди которых видное место занимал Курахара Курэхито. Последний в 1925–1926 гг. учился в СССР, был известен своими переводами А. С. Пушкина, Г. В. Плеханова, А. В. Луначарского.

В 1929 г. в Японии состоялся первый съезд японских пролетарских писателей. Через год был созван второй съезд, который поставил задачу приближения литературы к массам, создания рабселькоров по примеру Советской России²⁴. В целом период с 1928 по 1932 г. ознаменовался расцветом пролетарской литературы. В эти годы творят такие писатели, как Кобаяси Такидзи, Накано Сигэхару, Токунага Сунао. Авторы ведут активную общественную жизнь, участвуют в демонстрациях, собраниях.

В 1930 г. Союз пролетарских писателей Японии вступил в Международное объединение революционных писателей (далее — МОРП), где действовала японская секция. Ведущую роль в МОРП играли представители советской литературы. Японская секция выражала поддержку советскому искусству и преобразованиям в СССР. В 1931 г. секция прислала секретариату МОРП телеграмму, в которой

протестовала против оккупации Манчжурии и подготовки раздела Китая, а также призывала сплотить все силы левых писателей против японского империализма. «Все силы на защиту СССР — Отечества трудящихся всего мира», — звучал призыв в послании²⁵.

В 1931 г. произошел конфликт между Союзом японских рабочих и крестьянских работников искусства и МОРП. НАПФ направила своих делегатов на конференцию революционных писателей в г. Харькове, состоявшуюся в 1931 г. Интернациональная конференция объединяла представителей 23 стран. Союз японских рабочих и крестьянских работников искусства выразил протест против участия делегатов НАПФ в работе конференции. Организация полагала, что является единственной структурой японских писателей, сражающейся за ортодоксальную марксистскую линию в японском литературном движении, поэтому именно она должна была направлять своих представителей в г. Харьков. Общее собрание Союза заявило: «Мы будем продолжать борьбу под знаменем ортодоксального марксизма, мы единственная группа коммунистических писателей Японии»²⁶. В ответном письме МОРП указывал, что Союзу следует прекратить внутреннюю борьбу в лагере японской литературы. «Необходимо выступить единым фронтом, а не бороться друг с другом»²⁷. Таким образом, слабость японской пролетарской литературы заключалась в разногласиях и внутренних спорах. В итоге в декабре 1932 г. японской комиссии в составе МОРП уже не существовало, действующей была восточная комиссия, куда входили представители Японии, Китая, Кореи и Индии²⁸.

На данном этапе связи с Россией продолжали налаживать не только пролетарские литературные союзы, но и общественные организации Японии. Весной 1925 г. по инициативе прогрессивных деятелей культуры было создано Японо-русское литературно-художественное общество («Нитиро гэйдзцу киокай»)²⁹. Оно провозгласило своей целью достижение взаимопонимания и дружбы между Россией и Японией, установление тесных связей между литературным миром двух стран. Лидерами организации были пролетарский поэт и писатель У. Акита, известный лингвист Ц. Канэда, режиссер К. Осанаи, журналист Т. Сигэмори.

В октябре 1927 г. У. Акита посетил Москву. В том же году он написал пьесы, ряд из которых были переведены на русский язык. Произведения писателя обратили на него внимание японской полиции, следившей за ним с 1927 г. У. Акита считался крупным специалистом по русской литературе, в свободное от писательской деятельности время он читал лекции и доклады, немало содействуя распространению сведений о русской культуре в Японии³⁰. Значима была деятельность профессора Масао Ионэкава, члена Японо-русского литературно-художественного общества, известного переводчика произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова.

Значимым событием был XVII вечер, посвященный японской классической и современной литературе, организованный ВОКС 5 апреля 1926 г.³¹ Председатель организации О. Д. Каменева, открывая мероприятие, отметила: «Через литературно-художественные вечера мы ближе подойдем к основам японской культуры»³². ВОКС ставило перед собой задачу посредством подобных мероприятий не изучить японскую литературу, но возбудить интерес к ней у широких масс и узких специалистов. На вечере О. Д. Каменева отмечала, что в последнее время

«японская общественность сама подняла голос за объединение двух культур»³³. Начинание ВОКС нашло живой отклик в общественных кругах, изучающих СССР, и в прессе Японии, которая полагала, что данный вечер свидетельствует о наличии у Советской России серьезного и искреннего желания к сближению³⁴. Закрывая собрание, О. Д. Каменева отметила, что ВОКС намерено продолжать практику подобных литературных вечеров. Однако данное мероприятие оказалось единственным, организованным в СССР в рассматриваемый период.

В 1930-е гг. в Японии началась правительственная политика репрессий. В результате в 1934 г. Союз пролетарских писателей заявил о самороспуске. За восемь лет, с 1928 по 1936 г., в Японии арестованы 60 тыс. коммунистов и симпатизирующих им³⁵. Началась эпоха «поворота», когда многие деятели культуры отрекались от своих прежних взглядов и оказались втянутыми в процесс шовинистической пропаганды. Писатели стали создавать произведения, пропагандирующие идеи великой японской армии, очерняющие Советскую Россию, которая изображалась в повестях и романах как страна-агрессор.

Мацумото, бывший начальник департамента полиции при Министерстве внутренних дел, играл активную роль в 1930-е гг. в деле привлечения литераторов и художников в ряды приверженцев военного режима Японии. По его инициативе было создано Общество литературных бесед (Бунгэй конва-кай), объединяющее всех видных авторов страны с целью создания подлинно японской литературы. В 1934 г. Мацумото заявил о намерении создать в Токио «пятый интернационал», в задачу которого должна была входить пропаганда «японского духа» во всем мире. В соответствии с Программой всеобщей мобилизации национального духа в 1937 г. в Японии был установлен жесточайший цензурный контроль, распространявшийся не только на произведения представителей демократической литературы, но и на известных писателей.

В Японии прекратилась деятельность книготорговой фирмы «Наука», ее президент Отакэ Хирокити был отправлен в тюрьму. Переводы произведений советских писателей становились поводом для полицейской слежки и ареста. В 1937 г. было закрыто русское отделение университета Васэда. В марте 1938 г. в Японии после вступления в силу закона «О всеобщей мобилизации народного духа» были распущены существовавшие ранее объединения писателей. Вместо них создана единая организация — Общество японских литераторов. Официально одобрялась и поддерживалась тематика военного репортажа, славящая подвиги военных.

Известным автором, работавшим в данном направлении, был Синсаку Хирата — сотрудник газеты «Нихон», известный в Японии как военный публицист, тесно связанный с генеральным штабом. В советской печати регулярно появлялись критические статьи о произведениях японских писателей. В 1933 г. в журнале «Кайдзо» была опубликована новая работа Синсаку Хирата «Стратегия 1936 г.» с подзаголовком «Преимущественно в отношении СССР». В связи с этим в СССР в «Литературной газете» вышла статья В. Вишневого «Японская военная литература». Автор отмечал, что Синсаку Хирата обращает на себя внимание советской критики, однако было бы ошибкой концентрировать все внимание только на нем. В. В. Вишневецкий призывал присмотреться ко всему фронту военно-патриотической литературы Японии: писателям Сато, Ацура, Акари³⁶. Последний в своих

произведениях писал: «Японцы являются апостолами мира, и они должны протянуть руку помощи азиатским племенам Восточной Сибири... Мы смотрим на Манчжурию, Монголию и Сибирь как на святое место наших предков и как место активности наших потомков³⁷. Нужно учитывать, что данная литература в 1930-е гг. появлялась при одобрении правительства, придерживавшегося антикоммунистического курса.

В данных условиях в СССР особое значение приобрела «оборонная литература». Важным ее аспектом являлась тема милитаристской политики Японии. Советская литература и критика в 1930-е гг. выделяли в японской литературе милитаристское и пролетарское течения, не уделяя должное внимание антивоенной японской литературе, тогда как в Японии были писатели Хадзиме Суи, Дэндзи Куросима, Цуруити Савамото, разоблачавшие политику правительства в Манчжурии, высказывавшиеся против фашизации страны³⁸.

Изучение советской литературы во второй половине 1930-х гг. в Японии было невозможно из-за антисоветского курса правительства. В данный период в литературном мире СССР происходят важные события: образование Союза писателей, оформление метода социалистического реализма. Данные факты осмысливались японской общественностью уже в послевоенное время. Только в начале 1950-х гг. на страницах газеты «Асахи» появляются статьи, рассматривающие положение дел в советской культуре³⁹. Однако, несмотря на правительственные запреты, в 1930–1940-е гг. возрастал общественный интерес к русской дореволюционной литературе⁴⁰. В 1934 г. было выпущено полное собрание сочинений Н. В. Гоголя, в 1932 г. выходит «Ревизор». В 1938 г. одно из лучших издательств «Иванами сётэн» публикует «Мертвые души». Представляется, что знатоки русской культуры разводили понятия «русская литература и «советская литература». Последняя, по мнению профессора университета Васэда Хидэтора Окадзава, по художественным достоинствам не смогла превзойти русскую классическую литературу. Исследователь отмечал, что требование следовать методу социалистического реализма сдерживало развитие советской литературы, заставляя ее развиваться в строго очерченных рамках⁴¹.

В целом взаимный литературный обмен был обусловлен общностью определенных мировоззренческих основ японской и русской наций. Идеи, которые высказывали русские писатели, были понятны и близки японскому читателю. 1920–1930-е гг. от предшествующего времени отличали: появление специалистов-переводчиков, деятельность которых способствовала распространению русской литературы в Японии; открытие русского отделения университета Васэда; деятельность книготорговой фирмы «Наука», благодаря которой был налажен интенсивный книгообмен между странами. Усилия по налаживанию русско-японских литературных связей предпринимали не правительственные структуры Японии, а частные лица и общественные организации. Активными субъектами процесса взаимодействия являлись крупные и популярные издательства. Последние размещали на страницах своих печатных изданий востребованные читательской аудиторией сюжеты, в том числе о русских писателях. Таким образом, речь идет об инициативе «снизу», общественном интересе к русской культуре и литературе.

Фактором, способствовавшим сближению двух литературных традиций, был также интерес к пролетарской культуре и Советской России. Революционные

идеи последней оказывали огромное влияние на формирование пролетарской литературы в Японии. Происходило идейное заимствование, а также копирование организационных основ советских литературных организаций японскими союзами. Взаимодействие представителей пролетарской культуры с Советской Россией осуществлялось при посредничестве пролетарских объединений, общественных организаций и частных лиц Японии.

Процесс взаимодействия Японии и Советской России в сфере литературы был несколько однобоким. Япония была больше осведомлена о русской и советской литературной традиции, чем СССР. В Советской России были преимущественно известны классические произведения, литература предвоенного периода переводилась мало. Причины заключались в том, что Япония относилась к буржуазным странам, а ее культура — к категории чуждых советской идеологии. Процесс сближения остановила милитаризация Японии. В 1930-е гг. ряд японских писателей были втянуты в процесс шовинистической пропаганды. В целом во второй половине 1930-х гг. происходило сокращение связей в сфере литературного творчества. Появились трудности организационного и структурного характера, затрудняющие развитие литературного взаимодействия. Однако интерес Японии к русской литературе сохранялся, несмотря на запреты. Таким образом, отрицательное отношение в СССР к милитаристской литературе и недостаточное внимание к иным литературным течениям объясняется идеологическими противоречиями и воинственным курсом Японии.

Результатом взаимодействия России и Японии в сфере литературы стали: формирование новых направлений и течений японской литературы; появление слоя японского общества, знакомого с культурой России; формирование образа СССР как страны великой литературы. В таких условиях навязать штамп «красной угрозы» в 1930-е гг. для японского правительства оказалось более сложной задачей. Формирование толерантного слоя общества Японии сделало возможным послевоенное сближение двух стран в 1950-е гг., что отразилось на динамике развития отношений стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

¹ *Конрад Н. И.* Толстой в Японии // Конрад Н. И. Японская литература: От «Кодзики» до Токутоми. М., 1974. С. 461–475; Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 327; *Сараскина Л. И.* Достоевский и Акутагава. Заметки русского читателя // 100 лет русской культуры в Японии. М., 1989. С. 148–197; *Малинина Е. Е.* И. С. Тургенев и Кавабата Ясунари. Опыт типологического сопоставления // 100 лет русской культуры в Японии. М., 1989. С. 92–112; *Мещеряков А. Н.* Русская и японская классическая литература. Черновики негоревших рукописей // Там же. С. 136–147; *Гришина В. А.* Достоевский в японской пролетарской литературе 20–30-х гг. XX в. // Там же. С. 198–209.

² *Чегодарь Н. И.* Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами. М., 2004.

³ *Кадзухико Хохаси.* Торэсутой то икиру // Россия бунка кэнкю. 2015. № 22. С. 73–81 [Толстой и жизнь // Исследования русской культуры. 2015. № 22. С. 73–81]; *Итиро Ито.* Россия кобун кансё хандобукку // Россия бунка кэнкю. 2013. № 20. С. 76–78 [Русская классическая литература. Справочник // Исследования русской культуры. 2013. № 20. С. 76–78]; *Ацуши Саканива.* Досутоэфусуки то нихонбунка // Россия бунка кэнкю. 2012. № 19. С. 91–94 [Достоевский и япон-

ская культура // Исследования русской культуры. 2012. № 19. С. 91–94; *Томико Ивы*. Торэсутой // Россия бунка кэнкю [Толстой // Исследования русской культуры. 2010. № 17. С. 60–63].

⁴ *Такаоки Сато*. Образ Японии в творчестве Б. Пильняка: на рубеже востока и запада // Европейские исследования. 2011. № 4. С. 81–105; *Исихара Кодо*. Бурэгакофу то Сутарин: сэнкю яку ни дзю нэн дайсэ но ару бунгаку фукэй // Россия бунка кэнкю. 2003. № 10. С. 92–104. [Сталин и Булгаков: литературный ландшафт конца 1920-х гг. // Исследования русской культуры. 2003. № 10. С. 92–104].

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0146. Референтура по Японии. Оп. 9. Д. 75. Л. 107.

⁶ *Конами Томоно*. Бунго но мусумэ: Арэкусандоро Торусутои хомэй ничи ничи [Жизнь А. Л. Толстой (1884–1979), дочери великого русского писателя Л. Н. Толстого за рубежом]. Токио, 1989. С. 33.

⁷ *Толстая А. Л.* Письма разных лет 1930–1978 гг. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z00000031/st017.shtml> (дата обращения: 12.10.2014).

⁸ *Кожневникова И. П.* Университет Васэда и русская литература // 100 лет русской культуры в Японии. С. 41.

⁹ Бубнова сан то ю хито: Нихон ни сунда роснадзингака [Варвара Бубнова (1886–1983) — русская художница в Японии]. Токио, 1988. С. 7.

¹⁰ *Кожневникова И. П.* Университет Васэда и русская литература. С. 53.

¹¹ Чеховская годовщина в Японии // Литературная газета. 1929. № 27. С. 4.

¹² АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 10. Д. 68. Л. 65.

¹³ Там же. Л. 65.

¹⁴ Там же. Оп. 9. Д. 75. Л. 9.

¹⁵ Пиринияку ши но ой но Тоня нихон э коогакусюгёо ёнегава ни томонаварэтэ корарэ-мас. [Племянница Пильняка Тоня приезжает в Японию на обучение] // Асахи шимбун. 1926. Марг. С. 4.

¹⁶ *Кожневникова И. П.* Университет Васэда и русская литература. С. 56.

¹⁷ *Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркаръян С. Б.* История Японии. XX в. М., 2007. С. 108.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 10. Д. 69. Л. 3–7.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Открытое письмо секретариату МОРП // Литературная газета. 1931. № 139. С. 4.

²³ *Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркаръян С. Б.* История Японии. XX в. С. 114.

²⁴ Там же. С. 114.

²⁵ Протест японской секции МОРП // Литературная газета. 1931. № 162. С. 4.

²⁶ Открытое письмо секретариату МОРП // Литературная газета. 1931. № 139. С. 4.

²⁷ Как работает МОРП // Литературная газета. 1932. № 058. С. 4.

²⁸ Там же. С. 4.

²⁹ *Угринович Б. И.* Движение за дружбу между народами СССР и Японии // СССР — Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925–1975). М., 1978. С. 135.

³⁰ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 10. Д. 68. Л. 64.

³¹ Там же. Оп. 9. Д. 75. Л. 5.

³² Там же. Л. 5.

³³ Там же. Л. 5.

³⁴ Там же. Л. 32.

³⁵ *Секи Сано*. Из японских тюрем // Литературная газета. 1936. № 050. С. 4.

³⁶ *Вишневикий В.* Японская военная литература // Литературная газета. 1934. № 130. С. 4.

³⁷ Цит. по: Там же.

³⁸ *Секи Сано*. Антивоенная литература в Японии // Литературная газета. 1936. № 061. С. 6.

³⁹ Хидэтора Окадзава. Собиэто бунгаку но джицуджэ [Положение дел в советской культуре] // Асахи шимбун. 1953. Май. № 188. С. 4.

⁴⁰ Дьяконова Е. М. Узнавание и неизвестность. О судьбе Н. В. Гоголя в Японии // 100 лет русской культуры в Японии. С. 117.

⁴¹ Хидэтора Окадзава. Собиэто бунгаку но джицуджэ. С. 4.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Киба Д. В. Развитие советско-японских связей в сфере литературы в 1920–1930-е годы // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 130–143.
УДК 930.85

Аннотация: В статье рассматривается советско-японское взаимодействие в сфере литературы в 1920–1930-е гг. Выявляется вклад университета Васэда, общественных деятелей, писателей Японии в процесс развития литературных связей Советского государства и Страны восходящего солнца. Определяется вклад издательства «Сюндзюся», газет «Осака Майнити», «Синцио» в популяризацию русской литературы в Японии. Издательства были активными участниками процесса литературного взаимодействия, финансируя и организовывая литературные проекты в Японии. Значительную роль в распространении советской литературы играла книготорговая фирма «Наука» и ее создатель Отака Хирокити, осуществивший ввоз советских книг в Японию во второй половине 1930-х гг. Рассматривается деятельность представителей русской интеллигенции — В. А. Бубновой, А. Н. Толстой, прилагавших значительные усилия для налаживания советско-японского литературного взаимодействия. Опираясь на архивные документы и материалы периодической печати, автор раскрывает влияние идей социалистической революции на развитие пролетарского литературного движения Японии, определяет формы взаимодействия пролетарских литературных союзов и либеральных общественных организаций Японии с социалистической литературой Советской России. Описываются участие японских пролетарских писателей в Международном объединении революционных писателей (МОРП), конфликт между Союзом японских рабочих и крестьянских работников искусства Японии и МОРП, итогом которого стала ликвидация японской секции. В статье выделяются факторы, затрудняющие литературное сближение СССР и Японии в 1930-е гг. Выявляется реакция советской критики на появление милитаристского течения японской литературы. Представители последнего создавали произведения, способствующие мобилизации национального духа и представляющие конфликт с СССР неизбежной перспективой. Автор приходит к выводу, что в 1920–1930-е гг., несмотря на трудности взаимодействия Японии и СССР, мировоззренческая близость японской и русской наций, интерес к пролетарской культуре и Советской России способствовали сближению двух литературных традиций, формированию в среде интеллигенции двух стран толерантного слоя специалистов, знакомых с культурой «чужой» нации.

Ключевые слова: натурализм, гуманизм, язык-посредник, пролетарская литература, Общество русско-японской взаимопомощи, Союз пролетарских писателей, Японо-русское литературно-художественное общество, оборонная литература.

Сведения об авторе: Киба Д. В. — кандидат исторических наук, доцент, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет (Комсомольск-на-Амуре, Россия); darya.kiba.80@mail.ru

FOR CITATION

Kiba D. V. The Soviet-Japanese Relations in the Sphere of Literature in 1920–1930, *Modern History of Russia*, no. 2, 2017. P. 130–143.

Abstract: The article examines the Soviet-Japanese interaction in the sphere of literature in 1920–1930. The degree of the Russian classical tradition influence on Japanese culture is traced. The contribution of Waseda University, public figures, Japanese writers, is revealed in the development of literary connections of both countries. It is stated contribution of publishers "Shunji", "Osaka Mainichi" newspaper, "Sincio" to popularization of Russian

literature in Japan. Provided that the publishers were active participants in the process of literary interaction, financing and organizing literary projects in Japan. The author notes that what a significant role in the spread of Soviet literature played a bookselling company "Science" and its creator Otake Hirokiti, the import of Soviet books in Japan during the second half of 1930. This article is devoted to the activities of the representatives of the Russian intelligentsia — V. A. Bubnovoy, A. N. Tolstoy, is attached to the establishment of the Soviet-Japanese literary interaction significant efforts. Basing on archival documents and periodicals materials, the author reveals the influence of the social revolution ideas on the development of Japanese proletarian literary process. The forms of interaction of Japanese proletarian literary unions and liberal public organizations with Soviet social literature are determined. It describes the participation of Japanese proletarian writers in the International association of Revolutionary Writers (MORP). It describes the conflict between the Union of Japanese workers and peasants and workers of art and MORP, the outcome of which was the elimination of the Japanese section. The factors, complicating literary convergence of USSR and Japan in 1930, are found out. The article traces soviet criticism reaction to of the appearance of a militaristic movement of Japanese literature. Its representatives recently created works that contribute to the mobilization of national spirit and represent the conflict with the USSR inevitable prospect. Ideological closeness of the Japanese and Russian nations, the interest to the proletarian culture and Soviet Russia helped to bring the two literary traditions, the formation among the intelligentsia of the two countries tolerant layer professionals who are familiar with the culture of "foreign" nation.

Keywords: naturalism, humanism, language-mediator, proletarian literature, the Society of Russian-Japanese mutual help, Proletarian writers union, Japanese-Russian literary and artistic society, defense literature.

Author: Kiba D. V. — Candidate of History, Associate Professor, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur, Russia); darya.kiba.80@mail.ru

References:

- Atsushi S. 'Dostoevskii i iaponskaia kultura', *Issledovaniia russkoi kultury*, 2012, no. 19.
- Chegodar N. I. *Literaturnaia zhizn Yaponii mezhdum dvumia mirovymi voynami* (Moscow, 2004).
- Dyakonova E. M. 'Uznvanie i neizvestnost. O sudbe N. V. Gogolia v Yaponii', *100 let russkoi kultury v Yaponii* (Moscow, 1989).
- Grishina V. A. 'Dostoevskii v yaponskoi proletarskoi literature 20–30-kh gg. 20 v.', *100 let russkoi kultury v Yaponii* (Moscow, 1989).
- Isikhara K. 'Stalin i Bulgakov: literaturnyi landshaft kontsa 1920-kh gg.', *Issledovaniia russkoi kultury*, 2003, no. 10.
- Itiro I. 'Russkaia klassicheskaia literatura. Spravochnik', *Issledovaniia russkoi kultury*, 2013, no. 20.
- Kazuhiro K. 'Tolstoi i zhizn', *Issledovaniia russkoi kultury*, 2015, no. 22.
- Konami T. *Zhizn A. L. Tolstoi (1884–1979), docheri velikogo russkogo pisatel'ia L. N. Tolstogo za rubezhom* (Tokyo, 1989).
- Konrad N. I. 'Tolstoi v Yaponii', Konrad N. I. *Yaponskaia literatura: Ot "Kodziki" do Tokutomi* (Moscow, 1974).
- Kozhevnikova I. P. 'Universitet Vaseda i russkaia literatura', *100 let russkoi kultury v Yaponii* (Moscow, 1989).
- Kutakov L. N. *Rossia i Yaponiia* (Moscow, 1988).
- Malinina E. E. 'I. S. Turgenev i Kavabata Yasunari. Opyt tipologicheskogo sopostavleniia', *100 let russkoi kultury v Yaponii* (Moscow, 1989).
- Meshcheriakov A. N. 'Russkaia i yaponskaia klassicheskaia literatura. Tchernoviki nesgorevshikh rukopisei', *100 let russkoi kultury v Yaponii* (Moscow, 1989).
- Molodiakov V. E., Molodiakova E. V., Markarian S. B. *Istoriia Yaponii. 20 v.* (Moscow, 2007).
- Saraskina L. I. 'Dostoevskii i Akutagava. Zametki russkogo chitatel'ia', *100 let russkoi kultury v Yaponii* (Moscow, 1989).
- Takaiuki S. 'Obraz Yaponii v tvorchestve B. Pilniaka: na rubezhe vostoka i zapada', *Evropeiskie issledovaniia*, 2011, no. 4.
- Tomiko I. 'Toresutoi Tolstoi', *Issledovaniia russkoi kultury*, 2010, no. 17.
- Ugrinovich B. I. 'Dvizhenie za družbu mezhdum narodami SSSR i Yaponii', *SSSR — Yaponiia. K 50-letiiu ustanovleniia sovetsko-iaponskikh diplomaticheskikh otnoshenii (1925–1975)* (Moscow, 1978).
- Varvara Bubnova (1886–1983) — *russkaia khudozhnitsa v Yaponii* (Tokio, 1988).